

ЗАМИЛЬ АХТАР

ИСПИВШИЙ ТЪМЫ

fanzon

МОСКВА

СТАЛЬНЫЕ БОГИ

- 1 СТАЛЬНЫЕ БОГИ
- 2 КРОВЬ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ
- 3 ЭПОХА ДРЕВНИХ
- 4 ИСПИВШИЙ ТЬМУ

ZAMIL AKHTAR

D A R K
D R I N K E R

ЗАМИЛЬ АХТАР

ИСПИВШИЙ ТЪМЫ

fanzon

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А95

Zamil Akhtar
DARK DRINKER

Copyright © 2024 by Zamil Akhtar

Перевод с английского *Р. Сторикова*

Дизайн *Е. Куликовой*

Карта *7Narwen*

Иллюстрация *В. Аникина*

Ахтар, Замиль.

А95 Испивший тьмы / Замиль Ахтар ; [перевод с английского Р. Сторикова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-219102-2

Продолжение мрачного и захватывающего цикла «Стальные боги», арабского фэнтези, наполненного темной магией, древними ангелами и хтоническими богами.

История завоевания святой земли отважным рыцарем Михеем Железным, легенды о его связи с Падшим ангелом и о его смерти, ставшей легендарной.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Р. Сториков, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-219102-2

СОДЕРЖАНИЕ

Испивший тьмы 7

ГЛОССАРИЙ 507

Пролог

Кеба

В час джинна холодный южный ветер привел в порт Доруда четырехмачтовый галеон под флагом Принципуса. Учитывая, что я видел ангела собственными глазами, меня встревожило, насколько точно он изображен на флаге. С омерзительными подробностями на развевающемся саргосском стяге были нарисованы один круглый глаз, раздутое тело кальмара и щупальца осьминога. Тот, кто задумал эту эмблему, знал, как мерзок ангел, но все же решил возлюбить его. Отдают ли себе отчет это-сиане, насколько отвратительны их боги?

Да и сам галеон вызывал дрожь. Его корпус из дерева и стали возвышался так высоко, что напоминал титана в доспехах, качающегося на волнах. Из оружейных портов на глинобитный город смотрели шестьдесят пушек. Куда более внушительное чудище, чем галеры моего собственного флота, который остро нуждался во внимании. К сожалению, в дюнах Доруда трудно раздобыть древесину.

Как и у ангела, которому он, видимо, со страстью поклонялся, у человека, сошедшего с галеона, был только один глаз. Одет гость был богато для выходца с Запада, лоб и щеки загорелые, как бывает у моряков, и аккуратно постриженная борода, хотя и с несколькими проплешинами. Он даже прилично владел парамейским,

хотя, как и мне, ему с трудом давались гортанные звуки. И за болтовней о торговых сделках и возможностях для него и для меня он так и не сказал ничего примечательного. Он пригласил меня выпить жинжи на палубе его корабля, от чего я со всей серьезностью отказался, предпочитая подкрепить репутацию трезвенника, а не потакать слабостям в компании самого хорошо вооруженного купца, которого я когда-либо встречал.

После краткой встречи я вернулся к себе, зажег благовония и закрыл дверь. В угловой нише мягко мерцала свеча, отбрасывая мою тень на Великого визиря Баркама.

— Кто он? — спросил я.

Баркам потерял изумрудное кольцо. Единственное, которое я дозволил ему носить. «Можешь оставить остальные кольца, — сказал я, — но тогда твои пальцы буду хранить я». Он больше не носил ни бриллиант, ни рубин, ни жемчуг.

— Я знаю его как торговца и исследователя, — ответил он.

— Зачем купцу шестьдесят пушек?

— Он еще и военный.

Именно этого я и боялся. Саргосцы принесли беду на острова к востоку от Доруда, оспаривая их принадлежность Кашану. Хотя они оставили набоба Коа за главного, все прекрасно знали, что он исполняет их волю, а не волю шаха Бабура. Учítывая, что в Диконди собиралась армада крестейцев, было небезопасно позволять могущественным союзникам империи свободно бороздить мои воды.

— Ты должен позволить ему заниматься своими делами, — сказал Баркам, пригладив кипенно-белый кафтан. Визирь никак не мог перейти на простые ткани и цвета, которые я внедрял при дворе, но я ценил, что он хотя бы пытается.

— Послушать тебя, так я должен позволить этосианскому военному кораблю пройти по моим водам?

— Послушай голос разума. У нас и без того полно врагов. Если ты сейчас спровоцируешь саргосцев, они попытаются задушить твоё правление в колыбели. А у них полно золота, чтобы умастить твоих врагов и переманить твоих друзей, тем более что им благоволят банкиры из Дома Сетов.

Люди с золотом меня не тревожили. Меня волновали обладатели золота, оружия и честолюбия.

— Я слышал, саргосцы теперь имеют большое влияние при дворе в Гиперионе, именно они как кукловоды правят в Крестесе.

Об этом во время нашей встречи в Мерве мне сказал Айкард.

Баркам поерзал на подушке, его напوماженная голова блеснула в свете свечи.

— Я слышал то же самое. Но это не значит, что мы должны слепо враждовать с ними. Мы еще не готовы дать им отпор, да и они, похоже, не хотят наживать себе врага, учитывая, что мы контролируем канал Вахи — жизненно важный для них путь к Восточным островам.

— Тогда кто, если не они, стоит за крестейской армией, собирающейся в Диконди?

— Какой-нибудь влиятельный экзарх, патриарх или даже сам император. Я как раз выясняю подробности через своих лазутчиков.

Да, его шпионы весьма полезны. В том числе и по этой причине я не водрузил его голову над воротами Изумрудного дворца в ту ночь, когда отбил у него дворец.

В дверь постучали.

— Султан, к тебе пришла женщина, — сказал стоящий на страже абядиец, которого я отобрал и подготовил лично.

— Что за женщина?

— Утверждает, что она твоя жена.

Великий визирь встал с проворством юноши:

— Можем продолжить разговор о саргосцах после того, как ты с ней встретишься.

С чего вдруг сюда явилась Лунара?

Выходя из комнаты, Баркам покосился на нее — можно подумать, я этого не заметил. Она сняла маску с глаз. В утешающем свете свечи глаза цвета морской волны сияли, в них хотелось утонуть.

Трепет сердца наполнил меня страхом.

— Зачем ты пришла?

Ее кожа стала белее, как будто теплые краски Сади выцвели и теперь возобладал лед Лунары. Даже волосы, когда-то огненно-рыжие, сейчас больше напоминали едва тлеющие, присыпанные пеплом головешки.

Лунара вытащила папирус из кармана кафтана цвета нефрита и вручила его мне дрожащими пальцами.

«Михей знает, где твой сын», — было написано там на сирмянском незнакомым корявым почерком.

— Что это? — Увидев имя человека, убившего мою дочь и разрушившего мой дом, я с трудом подавил гнев. — Говори же, или ты дала обет молчания, как этосианская монахиня?

— Трудно описать мои чувства, — ответила она голосом Сади, но с тем же акцентом казарм, как у меня, а не с напевным дворцовым говором Сади.

Я не мог показать этой незнакомке ту детскую нежность, которую испытывал к ней. Не мог ей доверять. Мне с самого начала не следовало ей доверять.

— Пусть сейчас уже за полночь, у меня есть неотложные дела. Султан никогда не спит. Объясни, почему ты прошла через свои катакомбы, только чтобы отдать мне эту записку.

Лунара расхаживала между моим столом и фреской с изображением святого правителя Назара во главе разношерстной армии верующих. Одна из немногих фресок в Изумрудном дворце, которая мне нравилась, поэтому я и выбрал эту комнату в качестве своего кабинета.

Когда Лунара проходила мимо меня, я схватил ее за руку и притянул к себе. Даже через ткань кафтана

я почувствовал холод ее кожи. Неужели весь огонь Сади выгорел?

— Я не собираюсь играть в игры, Лунара. — Я поднял листок. — Что это значит? Тут говорится именно о том, о ком я думаю?

Ее веки дрогнули, и она кивнула.

— Поначалу я не хотела в это верить. Твердила себе, что такого не может быть.

— Продолжай.

Теперь я вспомнил, что ей бывает трудно объясниться, когда мысли бегут впереди языка. Как в тот раз, когда, еще совсем юной, она нашла новый рецепт кашанской халвы с манго.

— Чем больше я об этом думала, тем сильнее убеждалась, что записка предназначалась мне. Нам.

— Нам?

— Там написана правда, Кева. Наш сын жив. И Михей знает, где он.

Баркам сказал мне, что Михей Железный мертв. Император Иосиас вывесил его голову над входом в самый большой собор Гипериона.

— О чем ты говоришь? — Я не понимал, что и думать. Принять ее слова всерьез или решить, что она помешалась. — Я точно знаю, что Михей мертв.

— Да. Но наш сын жив.

— Ты же говорила, что он умер. Ты сказала, что...

— Я знаю, что сказала. Но вдруг я ошиблась? Вдруг дэвы правы?

— Так тебе это дал джинн? — Я смял листок. — Это уловка. Ловушка.

— Я тоже об этом подумала. — Она схватила меня за руку, вливая в ладонь холодок. — Есть только один способ узнать, правда это или нет. Но я не стану ничего делать без твоего согласия.

— Есть способ узнать, жив наш сын или нет?

Лунара кивнула:

— Спросить у Михея.

— Спросить у мертвеца?

— Мы вернем его к жизни, как вернули меня.

Я засмеялся, хотя никогда не слышал ничего печальнее.

— Разве не очевидно? Ради своих коварных целей дэвы хотят, чтобы ты оживила этого ужасного человека, и используют нашего сына, чтобы дергать тебя за ниточки. Это ложь.

— А если нет? А вдруг, когда я отдала мальчика Дворцу костей, тот что-то сделал с ним и оторыгнул обратно в наш мир?

Мне хотелось впиться ногтями в ее горло за то, что нарисовала этот ужасный образ. Как она посмела отнять у меня сына и принести его в жертву злу? А теперь, мучаясь от заслуженного чувства вины, собралась вернуть Михея и исполнить замысел какого-то дэва?

Почему я вообще когда-то любил ее? Потому что никто больше не был со мной нежен? Или потому что она ослепила меня и я не видел никого другого?

— Михей Железный мертв. Наш сын мертв. Забудь об этом, Лунара.

Как только эти слова сошли с моего языка, что-то зашептало в темном, бурлящем море души. Я не сумел убить Михея в Лабиринте, хотя стрелял в него из аркебузы Джауза. Я даже выпустил в него проклятую Слезу Архангела. После той судьбоносной схватки прошло уже пятнадцать месяцев, но как будто это было вчера, а может, тысячу лет назад. Куда он делся после этого? Чем занимался?

И каким образом мерзавец наконец-то издох?

Михей

*Пятнадцать месяцев назад,
далеко за Юнанским морем...*

Вход в подземелье озаряло солнце. Я слишком давно не видел его света, и оно ослепило меня своей красотой. Почувствовав, как его тепло прогоняет боль, я словно оказался в раю. Надеюсь, я больше не буду относиться как к должному к таким простым радостям.

— Здесь я тебя оставляю. — Элли остановилась у входа в пещеру. — Ты точно не хочешь, чтобы я восстановила руку?

Я тронул железный обрубок.

— После всего случившегося я, пожалуй, предпочту отказаться. — Рука оставалась холодной, каким и должно быть железо. — Что насчет нашего ребенка? Ты говорила....

— Я доношу его до срока, а потом отыщу тебя.

— Тогда... через восемь лун?

— Скорее через восемьдесят.

— Порядочный срок... — сказал я. — И все-таки где мы?

Улыбка Элли была теплее солнечного света.

— Пройдешь еще несколько минут и узнаешь.

Мне так хотелось, чтобы Беррин был здесь и тоже наслаждался солнечным светом. Но он

принес себя в жертву, чтобы я мог продолжить путь. Еще один друг, погибший из-за меня. Я надеялся стать достойным их жертв и заслужить право жить дальше.

Достоин я или нет, но вот я здесь, пережив то, во что сам с трудом мог поверить. Своими глазами я видел Слезу Архангела, держал ее, и она расплавила мою черную руку. Выжгла ее.

Элли вышла на солнце. Поморщилась:

— Не знаю, что хорошего вы, люди, находите в этом свете. Вы называете нас злом, потому что мы живем в темноте, но темнота нам приятнее. — Она вздохнула, совсем как старуха. — Увидимся через восемьдесят лун... а может, и раньше.

И Элли ушла вглубь пещеры.

Разреженный воздух и резкий ветер были обычны для нагорья. Снег даже летом укрывал пики, а грязь затвердевала от холода. Спустившись чуть ниже, я посмотрел на каменные лачуги, прижавшиеся к склону утеса, и прошептал себе под нос:

— Это место я знаю. — Мне всегда нравились эти красные крыши на фоне древесных крон. Во мне всколыхнулось тепло узнавания. — Это ее монастырь.

Шестнадцать лет назад я приехал сюда, чтобы вернуть приходу отцовский долг. И в тот приезд согрешил с послушницей в монастыре. Наш грех породил величайший свет в моей жизни — Элли.

Я двинулся к каменной часовне на окраине монастыря. Тропа извивалась среди могил. Я читал вслух надписи на надгробиях, надеясь не прочесть ее имени. Но прямо перед тем, как вышел на лужайку возле часовни, увидел его: «Мириам». Мать Элли. Она умерла вскоре после рождения дочери.

Я встал на колени у могилы и зарыдал. Коснувшись коленями холодной земли, я содрогнулся. Попытался рассказать Мириам о дочери, но в тот момент ничего не смог вспомнить об Элли, какой она была до того,